

Статья опубликована в издании:

Философия в диалоге культур: материалы Всемирного дня философии. М.: Прогресс-Традиция, 2010, стр. 96-101

А.В.Смирнов

Является ли универсальность философского разума стереотипом?

Времени у нас меньше, чем мало, поэтому рассуждение, которое я хочу предложить, будет лишь намечено пунктиром, многие положения не будут аргументированы, поскольку времени на это просто нет. Однако такая аргументация у меня имеется, и при необходимости она может быть представлена.

Наш круглый стол посвящен освобождению от стереотипов. Философия требует прежде всего прояснить понятия: что такое стереотип? Но если мы этим займемся, то, думаю, этим и ограничимся, поскольку будем только об этом и говорить. Поэтому я не буду выяснять это понятие, я лишь скажу, в каком смысле буду им пользоваться. Стереотип в самом расхожем понимании — это нечто готовое: некая готовая «матрица», готовое понятие или готовый концепт. Это первое, что мы подразумеваем под стереотипом: его уже-изготовленность. И второе: стереотип — это то, что всегда под рукой и что можно пустить в ход не задумываясь. Таким образом, стереотип — это уже подготовленная для нас, не требующая нового продумывания и перепроверки, готовая к употреблению понятийная матрица.

Наш круглый стол, если судить по названию, призывает бороться со стереотипами. Однако мы должны, я думаю, помнить, что не всегда и не любые стереотипы бывают плохими и, может быть, не всегда и не от любых стереотипов надо освобождаться.

Я хотел бы поговорить об универсальности философского разума как о таком стереотипе — как о готовом понятии, которое мы, не задумываясь, пускаем в ход. Вчера на открытии нашего форума я специально следил за ораторами: десяток раз, не меньше, это понятие было использовано в самых разных контекстах как самоочевидное, не нуждающееся в пояснениях. Оно — готовое, оно вполне в ходу.

Однако, как только мы задумываемся о том, что же означает «универсальность философского разума», это понятие начинает потихонечку от нас ускользать. В самом деле, в каком смысле можно говорить об универсальности философского разума или об универсализме в философии? Акад. Т.И.Ойзерман в последнее

время много говорит и пишет о плюрализме в философии. Этот содержательный плюрализм, плюрализм философских доктрин — противоречит он универсализму или нет, как их совместить? Я оставляю этот вопрос открытым и привожу его лишь как пример ускользания понятия универсализма при его продумывании.

Можно было бы приводить и другие примеры, множа сомнения в правильности утверждения об универсальности философского разума.

Но мне кажется, что есть по меньшей мере одна возможность говорить об этом, — такая возможность, которую, *как обычно представляют*, нельзя поставить под сомнение. Это тот случай, когда мы говорим о мире или о какой-то его части, о какой-то ситуации в одном и том же отношении. Если мы выделяем такую часть мира, такую ситуацию и рассматриваем ее в одном и том же отношении, то тогда, кажется, можно говорить, что разум демонстрирует свою универсальность.

В каком смысле? Сделаем еще одно уточнение. В самом деле, одну и ту же ситуацию можно ведь описывать по-разному. Возьмем известные примеры: полет стрелы вдоль стадиона, или Ахиллес, который пытается двинуться к черепахе и никак не может это сделать, потому что те отрезочки пути, которые он должен пройти, прежде чем настичь ее, бесконечно уменьшаются и приближаются к нему, но никак не могут дойти до того места, где он стоит: Ахиллес не может сменить покой на движение.

Но и такие типовые ситуации можно описывать по-разному: эмоционально, литературно, научно, как-нибудь еще. И опять универсализм, похоже, ускользает.

А вот если мы спросим, каков правильный, или истинный, способ описать такую ситуацию, то, наверное, ответим, что он — всего один. Если мы вводим в рассмотрение понятие «истина», т.е. если спрашиваем, каков тот способ описать данную ситуацию, данную часть мира, который будет *соответствовать* самому миру, тогда, наверное, мы должны будем сказать, что такой способ — единственный.

Вот здесь, кажется, мы нащупываем возможность говорить об универсальности философского разума в том смысле, что где бы мы ни находились, какой бы культуре ни принадлежали, если мы имеем дело с подобным фрагментом мира, с такой ситуацией, то правильный, соответствующий миру способ ее описания будет один и тот же.

Вот это, как мне представляется, та презумпция, которую обычно разделяют коллеги-философы. Смысл моего выступления сводится к тому, что универ-

сальность философского разума, понимаемая таким образом, может и должна быть поставлена под сомнение.

Почему? Из чего я исхожу при этом?

Давайте задумаемся, как мы выстраиваем это единственно правильное, истинное описание мира. Вот что принципиально: этот истинный способ описания не является ни чисто содержательным, ни чисто логическим. Скорее это сплав логической стороны и содержательной стороны.

Что я имею в виду? Обычно говорят, что истинность описания мира обеспечивается логикой (правильными логическими формами). Но это не так. Ведь не менее важной предпосылкой выстраивания истинного описания служит представление о том, что мир состоит из субстанций. Не менее необходимо, иначе говоря, положение о субстанциальности мира, которое и предполагает определенный тип логики.

Взгляд на мир как на субстанциальный выработан греками. Наверное, я сейчас выскажу очередные стереотипы, но, как мне представляется, и платоновский идеализм, и аристотелевский гилеморфизм — это учения, которые фиксируют взгляд на мир как на субстанциальный. Конечно, для всех понятно, что мир не сводится к субстанциям, что, кроме субстанций, есть много другого в мире. Но смысл субстанциальной картины мира заключается в том, что все остальное должно быть сведено к качествам субстанций или к отношениям между субстанциями. Так или иначе, это должно быть сведено к субстанциальности в том смысле, в каком Аристотель говорит, что «человек идет» и «человек есть идущий» — это одно и то же. Вот в этом смысле происходит сведение к субстанциальности ради достижения единства картины мира.

В таком сведении следует видеть еще одно проявление философского универсализма, универсальности философского разума, который, пытаясь набросать единую картину мира, выстраивает её именно на таких основаниях. А под термином «основания», напомним, я понимаю *сплав* содержательной и логической сторон. Содержательная сторона, а именно, субстанциальный взгляд на мир, требует определенной логики описания.

Другим примером сведения к субстанциальности может служить следующее наблюдение. Возьмем не научное, лингвистическое сознание, а стихийное, наивное языковое сознание носителя русского языка, и предъявим ему три слова: «дерево», «деревянный», «деревенеть». Поставим их в ряд и спросим, какое из них главное, — не в научном смысле, а в смысле того, как их воспринимает стихийное

языковое сознание. В большинстве случаев носитель русского языка ответит, что главным является слово «дерево», которое выражает субстанциальность. «Деревянный» — это некоторое качество, приписываемое субстанции, а «деревенеть» — действие, связанное с превращением в данную субстанцию. Это — еще один пример универсализации мира на основе субстанциального взгляда.

Ясно, что, кроме субстанций, есть ещё и процессы. Но субстанциальный взгляд на мир требует свести процессуальность к тому или иному аспекту субстанции. Опять-таки я не буду долго говорить об этом; если мы возьмем, скажем, аристотелевскую попытку схватить процесс становления как движение от потенциальности к актуальности, то оно окажется не чем иным, как перескоком от одного состояния субстанции к другому. Иначе говоря, и здесь процессуальность является не первоосновным, не фундаментальным, а чем-то производным от субстанциальности.

Я, наконец, подхожу к главному тезису, который хочу высказать сегодня. На этой конференции мы много говорим о диалоге культур, об общении с другой культурой, о том, что можно при этом почерпнуть. Как мне представляется и как свидетельствует мой личный опыт как исследователя арабской культуры, есть ещё один аспект, кроме всех тех, что были уже упомянуты вчера и ещё будут упомянуты, — есть ещё один аспект полезности общения с другой культурой. Дело в том, что опыт другой культуры в определенных случаях — иногда, далеко не всегда — может предложить нам пример иной архитектоники сознания, иного опыта осмысления мира, нежели тот, что привычен нам, нежели тот, который я попытался схематично и пунктирно обрисовать.

Опыт арабской культуры, взятый в целом, является именно таким опытом — опытом построения картины мира, которая опирается на процессуальность как на *фундаментальную* категорию, а не нечто производное от субстанциальности. Впрочем, и слово «культура» употреблено мной как стереотип; конечно, без стереотипов не обойтись: если бы каждое слово мы объясняли и исследовали, то, наверное, вообще не смогли бы говорить. Поэтому не будем сейчас обсуждать, что такое культура; я имею в виду, говоря в общем, все сферы полагания осмысленности — от языка (беря язык как стихийное, данное человеку без его размышления, средство порождения осмысленности) до (на другом конце этого спектра) систем философских категорий как наиболее рафинированной, отрефлектированной ипостаси построения осмысленности. Все это, проходя от языка через доктрину, право, теоретические системы, этику, а также эстетическую сферу, в том числе невербальную, —

все эти сферы арабской культуры показывают примат процессуальности в той картине мира, которая в ней выстраивается.

Я по необходимости ограничиваюсь этим заявлением и, естественно, не могу и не буду его аргументировать и даже иллюстрировать, для этого нужен совсем другой формат. Но скажу, что в этой картине мира зеноновская стрела прекрасно сможет передвигаться и лететь вдоль стадиона, будучи неподвижной в каждый атомарный момент «теперь», — это совершенно не будет ей мешать в той процессуальной картине мира, которая выстраивается для этого мышления; Ахиллес беспрепятственно сможет начать движение к черепахе, хотя он и покоится в данный атомарный момент «теперь» (как и в любой другой подобный момент). И так далее. Иначе говоря, эта культура будет представлять нам другой опыт, я подчеркиваю — истинного, то есть правильного, соответствующего миру осмысления тех или иных ситуаций.

Здесь важна именно целостность, и на это я хочу обратить особое внимание. Арабо-мусульманская культура демонстрирует опыт целостного выстраивания мышления на основаниях процессуальности, — с той же последовательностью, с какой субстанциальность остается основанием для западного мышления (и с подобными же вариациями этой общей линии). Эти два основания несводимы друг к другу (они, иначе говоря, контрастируют), а потому эти два типа осмысления мира рядоположены, не иерархизированы и не редуцируемы одно к другому.

Это значит, что та возможность удержать положение об универсализме философского разума, на которую мы рассчитывали, не оправдала наших ожиданий. Готовое-к-применению понятие оказалось плохо применимым, а как будто не требовавшее перепродумывания должно, кажется, быть перепроверено.

Является ли в таком случае положение об универсализме философского разума стереотипом с негативной коннотацией, то есть таким стереотипом, от которого надо избавляться? Ответ на этот вопрос более сложен, чем простое «да» или «нет».

В пределах каждой данной архитектоники сознания (я говорил о субстанциальном и процессуальном ее вариантах) привычный нам универсализм сохраняет свою власть и силу. Однако он становится ошибкой, как только превращается в утверждение об универсальности какой-либо одной из таких архитектур, будь то субстанциальной или процессуальной (а может быть, и какой-нибудь еще, — этот список не закрыт). Традиционный универсализм должен быть, таким образом, ограничен сферой каждой данной архитектоники сознания.

Если верно это, то верно и другое. Традиционный универсализм, ограниченный каждой данной архитектурой сознания, уже не может претендовать на истинное описание мира в целом. Сегментированность мира (субстанции и процессы, хотя это не исчерпывающий список) составляет фундаментальной важности факт, который необходимо вновь и вновь перепродумывать в свете несводимости этих двух логико-содержательных *оснований* осмысления мира. Единое описание мира, преодолевающее его сегментированность (т.е. наличие контрастирующих оснований, как субстанция и процесс) и, соответственно, вариативность архитектур сознания, и вместе с тем сохраняющее старый смысл правильности, истинности, соответствия, осуществимо только на пути нахождения возможности говорить как о едином о том, что не может быть приведено к единству привычным образом.